

Стихотворения М. Лермонтова. Часть IV...

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 -- август 1845.

Редактор тома Г. А. Соловьев. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примечания Ю. С. Сорокина.

М., "Художественная литература", 1981.

[OCR Бычков М. Н.](#)

СТИХОТВОРЕНИЯ М. ЛЕРМОНТОВА. Часть IV. Санкт-Петербург. В тип. Ильи Глазунова и Комп. 1844 В 12-ю д. л. 192 стр.

Говорят: время поэзии прошло, и стихов уже никто не хочет читать. Не подумайте, чтоб это говорилось где-нибудь далеко, за морем: нет, там люди давно уже настолько поумнели, чтоб не говорить подобных пустяков. И не мудрено: там люди давно живут и потому уже успели выжить несколько истин, о которых у них никто не спорит, в которых все единодушно согласились. У нас не так: у нас еще не для всех доказанная истина, что *дважды два -- четыре*: многие думают, что *дважды два* так же легко могут производить *пять* и *восемь*, как и *четыре*. Вот отчего у нас еще спорят о том, что наряднее и величественнее -- русские ли пудовые сапоги, убитые со стороны подошвы полусотнею остроголовых гвоздей и смазываемые салом и дегтем, или легкие немецкие выворотные сапоги, которые лакируются ваксою; спорят о том, что лучше: в немецком ли костюме наслаждаться преимуществами, присущими человеческой натуре, или в шапке-мурмолке стоять ниже человечества, во имя любви к обычаям старообрядчества¹. Мы думаем, что у нас скоро возникнет спор о том, кого должны мы разуметь под нашими праотцами -- московитов ли XVII-го века, славян ли IX-го века или скифов и сарматов, кочевавших по сю сторону Азовского и Черного морей еще в то время, когда Мильтиад поразил их родственников, персов, при Марафоне, когда на Олимпийских играх Иродот читал свою историю, а юноша Фукидид плакал, внимая ему,-- когда на тех же Олимпийских играх Пиндар пел свои восторженные оды,-- когда Эсхил, Софокл и Эврипид зрелищем своих трагедий заставляли афинян делиться с богами блаженством олимпийской жизни,-- когда Фидий созидал статуи Зевса и Паллады,-- когда Сократ проповедовал свое учение народу, Демосфен гремел своими речами, а Платон в академии полагал начало учению чистого идеализма... Чем дальше в лес, тем больше дров, по русской пословице: отыскивая родоначальников скифов и сарматов, а потом родоначальников их родоначальников, мы непременно дойдем до Адама и, как истинные археологи, решим, что нам надо ходить в костюме Адама, чтоб ни в чем не отстать от своих предков. Ведь надобно же и нам когда-нибудь быть последовательными и перестать противоречить самим себе!..

В ожидании этого вождя и, кажется, еще весьма неблизкого времени обратимся к вопросу о поэзии. У нас есть журнал, который издается как будто для доказательства, что стихи пишутся детьми для забавы детей же,-- и, чтоб быть верным самому себе, этот журнал потчует своих читателей действительно детскими стихами². У нас есть другой журнал, который, в противоположность первому, так высоко уважает поэзию, что видит ее во всяких заостренных рифмою, размеренных строчках и, чтоб тоже не противоречить самому себе, помещает стихи, уже отзывающиеся старческою дряхлостью, и стихи даровитых, но юных поэтов,-- весьма юных, если судить по тревожности чувства, неопределенности идей, по неумению соглашать слова со смыслом и другим признакам, которыми отличаются сии плоды счастливого досуга, не связанного условиями логики и здравого смысла³. Вот две крайние стороны вопроса о том, вздор или важное дело -- поэзия? Мы думаем, что обе эти крайности равно чужды истине и притом недалеко разбежались друг с другом, потому что обе выходят из одного источника -- отсутствия того органа, которым понимается поэзия. Мы, русские, очень богаты стихами и не совсем бедны поэзиею. По крайней мере в том и другом отношении мы бы должны были дойти до той разборчивости, которая любит одно чистое золото и уже не увлекается блестящею мишурою. И мы уже почти дошли до этого. Говорим -- *почти*, потому что дошли пока еще бессознательно. Публика не перестала читать стихи, но уже редко перечитывает их. Это не значит, чтоб стихи надоели ей: это значит, что она хочет только хороших стихов. А стихи теперь уже не могут считаться хорошими только по отношению к форме, мимо их содержания. Из уважения к заслугам поэта, публика, пожалуй, прочтет его стихи, хотя бы в них и не нашла ничего, кроме старых, давно уже знакомых ей мотивов и азиатских